

ЧТО НОВОГО В ПЕККИНЕ

содержание которых — современность, человек сегодняшнего Китая. Например, в гравюре, которая родилась как искусство

революционное и выполняла роль, сходную с агитационным плакатом, современная, новая тема господствует безраздельно.

«На строительной площадке в горах» — гравюра Лю Куана. Художник передал героизм труда, преобразующего природу. Среди хаотического нагромождения гор человек не песчинка, не пассивный созерцатель, как на старинных свитках традиционной живописи, он активен, он созидатель.

Среди 800 художников, удостоенных чести выставить свои работы, немало и скульпторов. Например, скульптура, посвященная героической Кубе (автор — Чжан Жунь-кай). Это романтичный, символический образ героического острова свободы. Бронзовое лицо молодой кубинки красиво, но только это привлекает внимание. Ее лицо, как зеркало, отражает красоту революции. В этом сила произведения.

Я уходил с выставки, с этого большого праздника китайского искусства, думая о том, что художники этой страны, мастера разных школ и направлений, старые и молодые, все больше стремятся приблизить свое творчество к людям, к жизни.

ЧТО ЖЕ НАСТРОЕНИЕ владело мной, когда я смотрел чудесную пьесу недавно скончавшегося драматурга Оуян Ю-цзя «Веер с цветами персика». Спектакль Центрального экспериментального театра шел в одном из залов Дворца культуры национальностей, чем-то напоминаящем павильоны наших среднеазиатских республик на ВДНХ. Как жаль, что здесь не принято апродировать работы театрального художника. А хотелось выразить восхищение первой же картиной и потом всякий раз, когда меняли декорации. Постановка экспериментального театра отличается от спектаклей классической музыкальной драмы не только декорациями, близкими и европейским, но и, это главное, реалистической игрой, простым диалогом вместо пения в традиционной манере, естественными движениями актеров, исторически достоверными костюмами.

В Китае любят театр и особенно свой, национальный. В десятках пекинских залов, на эстрадах парков спектакли «цзин-цзюй», пекинской музыкальной драмы, всегда собирают множество любителей, которые с затаенным дыханием следят за хитрыми продолжками цзя обезьян Сунь У-куня, переживают судьбы героев старых романов «Троецарствие» или «В речной аводии».

Пьеса «Веер с цветами персика», сюжет которой, кстати, тоже

«Рыбак». Скульптура Чжан Дэ-хуа.

подсказан мотивами классической литературы, уводит зрителя к событиям трехсотлетней давности. Но в этом спектакле есть то, что делает современным, актуальным лучшее произведения прошлого. Это правда жизни, которая звучит в пьесе убедительно и ярко. Ситуации правдивы, жизненны. Но общая романтическая приподнятость спектакля от этого ничуть не терлется. История любви двух молодых людей на фоне национальной трагедии — покорения Китая иноземными завоевателями — не оставила никого равнодушным. К тому же игра всей труппы была превосходна, особенно исполнительницы главной роли, молодой актрисы Чжэн Чжень-яо и ее партнера Ши Вэй-цзяня.

Я не берусь судить о том, что было «экспериментального» в этом спектакле. По-видимому, и в нем, и в других спектаклях театр стремится по-своему синтезировать, объединить некоторые элементы традиционного китайского и европейского театров. Это, безусловно, интересная, перспективная форма. И надо иметь в виду, что она развивается одновременно с сохранением великого множества старинных национальных жанров и развитием современного драматического театра.

ЕСЛИ УЖ ГОВОРИТЬ о новом, то никак нельзя обойти молчанием первую профессиональную постановку «Евгения Онегина» в Пекинском оперном театре. Китайские любители музыки уже давно были подготовлены к этому событию гастролями наших театров и концертным исполнением многих арий, концертами симфонической музыки — русской, европейской и китайской. И все же

я шел на премьеру «Онегина» с некоторым беспокойством: ну, а как, если все же неудача, если «не дойдет» до зрителя? После увертюры, отлично исполненной оркестром (дирижировал Хань Чжун-цав), я вздохнул с облегчением. Правда, во время первого дуэта в зале послышался тихий смех, оживление. Позже, размышляя о причине этого, я понял, что ничего неожиданного не произошло, если учитывать, что в зале были и люди, впервые слышавшие оперу. Помните, С. Образцов в своей книге «Театр китайского народа» говорил о том, как бы вел себя человек, впервые оказавшийся на спектакле «Евгений Онегин» или любой другой европейской оперы. Представьте, что вы сами впервые увидели и услышали, как люди разговаривают лением, да еще вдвоем, втроем одновременно, в то и хором в несколько десятков человек. Представьте, что иногда при этом герои на сцене почему-то перестают слышать друг друга, хотя поют во весь голос. Да разве же это не условно? И разве это не может вызвать веселого удивления людей, первый раз слушающих нашу оперу? Но сила пушкинского дара, музыка Чайковского покорила даже неподготовленных слушателей уже в конце первой картины. Недоумения больше не было. Было лишь сосредоточенное молчание зала, вплескисменты и цветы в конце.

Это испытание выдержали не только зрители, но и певцы, постановщики, оркестр. Чудесной была Татьяна — Чань Сы-лин и ее дублерша Го Шу-чжень, выпускница Московской консерватории.

Л. КЮЗАДЖЯН.

ПЕККИН.